

**В Диссертационный совет Д 170.003.02 при
ФГАОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, ауд. 910.**

**Отзыв
официального оппонента на диссертацию
«Реализация правоспособности юридического лица в процедурах
несостоятельности (банкротства)»,
представленную Еничевой Натальей Викторовной
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
(по специальности 12.00.03 - гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное право)**

История развития законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России имеет достаточно неоднозначное понимание, как с точки зрения доктринальных позиций, так и с точки зрения правоприменительной и судебной практики. Проблематика определения правоспособности юридического лица, находящегося или вступающего в процедуры несостоятельности (банкротстве) действительно остро стоит перед наукой гражданского и предпринимательского права. Существующие практические позиции по поводу выделения объективного и субъективного банкротства юридического лица также неоднократно высказывались в судебных актах высших судебных инстанциях (Определение Верховного суда Российской Федерации от 28.09.2020 г. №310-ЭС20-7837, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 29.03.2018г. №А12-18544/2015 и др.).

В связи с чем, исследуемая проблематика правоспособности юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства) Еничевой Н.В. является смелой попыткой рассмотреть заявленные задачи и внести научный, теоретический и практический вклад в вопросы эффективного рассмотрения арбитражными судами Российской Федерации дел о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц.

Полагаем, что новизна настоящего исследования не вызывает сомнения.

В этой связи проведенное Еничевой Н.В. комплексное исследование правоспособности юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства) безусловно характеризуется новизной и актуальностью.

В диссертации сформулирована цель и предопределяемые целью задачи исследования, с которыми автор, в целом, справился успешно.

Структура работы последовательна, логична и отвечает целям и задачам исследования. Поставленные перед соискателем цель и задачи выполнены. Сделаны обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства. Проанализирован широкий круг научных источников; проведенный автором комплексный анализ норм законодательства, содержащего нормы по регулированию отношений, возникающих не только из института несостоятельности, но и правоспособности, правосубъектности юридического лица, понятийного аппарата, а также особенности реализации правоспособности юридического лица в отдельных процедурах несостоятельности (банкротстве).

В первом параграфе первой главы автором диссертационного исследования раскрываются основные аспекты понятия и признаков несостоятельности (банкротства) юридического лица. Соискателем в тексте параграфа и, в дальнейшем в Положении на защиту №1 обосновывается понятие несостоятельности (банкротства) юридического лица. В науке и практике существуют дискуссионные точки зрения относительно состояния «несостоятельного должника» и «должника, находящегося в процедуре банкротства». Другими словами, имеются позиции, в одной из которых, ее представители отождествляют понятия «несостоятельность» и «банкротство», в другой группе представители указывают на различные правовые последствия от нахождения юридического лица в состоянии «несостоятельности» и в состоянии «банкротства» (так как институт банкротства – институт предпринимательского права). В частности, в дореволюционном российском праве понятия «учение о несостоятельности» и «конкурсное право» рассматривались как синонимы (с.19 диссертации).

Соискатель в своей работе упоминает о проблеме так называемого «объективного банкротства», одновременно указывая, что необходимо рассмотреть его признаки. Действительно, Верховный суд Российской Федерации подчеркивал, что неплатежеспособность, с точки зрения законодательства о банкротстве, является юридической категорией. Определение ее наличия относится к исключительной компетенции судов, равно как и категории добросовестности, разумности, злоупотребления, вины и пр. (определение Верховного суда Российской Федерации от 28.09.2020 № 310-ЭС20-7837). Между тем, суды не всегда обладают для этого достаточной квалификацией. Трудности оценки признаков неплатежеспособности также связаны с непониманием принципов анализа финансовой отчетности, фокусированием на показателях убытка без изучения причин его возникновения и возможного искажения бухгалтерского баланса, а также отождествлением балансовой стоимости активов с рыночной (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 29 марта 2018 г по делу №А12-18544/2015).

Кроме того, «сами по себе кратковременные и устранимые, в том числе своевременными эффективными действиями руководителя, затруднения не могут рассматриваться как безусловное доказательство возникновения необходимости обращения последнего в суд с заявлением о банкротстве». В то же время юридической оценке должна предшествовать экономическая. Именно она позволяет установить момент наступления объективного банкротства, тогда как юридический анализ производится на предмет соответствия действий контролирующих лиц принципам разумности и добросовестности (с.30 диссертации).

Остановившись во втором параграфе первой главы на вопросах осуществления прав и исполнение обязанностей юридического лица как реализация его правоспособности (с.52 диссертации) соискатель исследует такие категории как «конкурсоспособность» и «правоспособность». Еничевой Н.В. достаточно глубоко исследуются позиции ученых (В.В. Долинская (с.52,53 и др.), В.К. Андреева (с.57 и др.) относительно применения категории

«правоспособности юридического лица» в экономической деятельности. Следует выразить согласие с мнением соискателя в том, что в объем правоспособности юридического лица входят не только гражданско-правовое положение юридических лиц, порядок их участия в гражданском обороте, но и корпоративные права участников корпорации или вещные права учредителей, а также порядок создания, реорганизации и ликвидации юридических лиц (с.58 диссертации). Данный тезис, который далее более подробно исследует соискатель вполне оправдан и нередко злоупотребление корпоративными правами одного или несколькими субъектами корпоративных правоотношений нередко отражается на финансовом состоянии юридического лица (например, когда по требованию теневого бенефициара корпорация вынуждена принять решение об одобрении невыгодной для нее сделки, что влечет за собой определенные финансовые потери, приводящие к банкротству).

Автор исследования последовательно рассматривает в третьем параграфе первой главы правовые аспекты понятия арбитражного управляющего, собрания кредиторов и комитета кредиторов (с.72 диссертации). Соискателем исследуются различные точки зрения относительно, с одной стороны, введения в Закон о банкротстве нормы о получении статуса арбитражного управляющего юридическими лицам (М.В. Телюкина, В.В. Витрянский), с другой стороны, арбитражным управляющим может быть только физическое лицо, поскольку в ином случае, у кредиторов будут возникать значительные финансовые издержки на оплату услуг управляющей компании (как юридического лица со статусом арбитражного управляющего), а также вопросов ответственности (В.В. Голубев).

Также соискателем проводится подробный анализ правового статуса «собрания кредиторов» и «комитета кредиторов» (с.81 диссертации). На с.89 диссертации Еничевой Н.В. приводится вывод, к которому она пришла по результатам проведенного исследования. Так, арбитражный управляющий, собрание кредиторов, а также комитет кредиторов имеют отдельные признаки органов управления юридического лица, однако не являются ими, поскольку создаются в принудительном порядке для достижения специальных целей.

Вторая глава посвящена вопросам влияния состояния несостоятельности (банкротства) на реализацию правоспособности юридического лица (с.91 диссертации). В связи с чем, в первом параграфе второй главы соискатель исследует цель деятельности юридического лица, реализующего правоспособность при несостоятельности (банкротстве). Еничевой Н.В. исследуется юридическое, социальное и философское (А.В. Малько, К.В. Шундинов) понимание «цели» (с.92 диссертации и далее), что позволяет ей, в дальнейшем, выявить именно цель деятельности юридического лица в деле о несостоятельности (банкротстве). Отмечается на с.95 диссертации о том, что А.Л. Никифоров указывает, что в научной среде от цели зачастую не отличается результат деятельности, хотя данные категории находятся в разных плоскостях. Действительно, цели применения законодательства о банкротстве добросовестными и недобросовестными субъектами, как отмечается соискателем носят различный характер. При этом, ключевая цель именно нормативного регулирования законодательства о банкротстве носит восстановительный характер (М.В. Телюкина (с.102), С.А. Карелина (с.103)).

Анализируя во втором параграфе второй главы правовые аспекты динамики дееспособности юридического лица при несостоятельности (банкротстве) соискатель останавливается на вопросах изменения его конкретных субъективных прав и обязанностей (с.105 диссертации).

Рассматривая различные позиции относительно правоспособности и дееспособности юридического лица (теоретические и легальные) автор приходит к интересному выводу (с.114, 115 диссертации), что правоспособность является постоянным свойством юридического лица, в связи с чем она не может быть динамичной: наличие правоспособности обусловлено самим существованием юридического лица. Вместе с тем дееспособность юридического лица может быть динамичной, что особо показательно при ограничении возможности реализовывать права юридического лица.

Кроме того, соискатель в третьей главе первого параграфа диссертационного исследования подробно останавливается на особенностях системы и порядка введения процедур, применяемых в деле о несостоятельности (банкротстве) (с.116 диссертации). Соглашаясь с мнением В.В. Кулакова, который отмечает, что целью гражданско-правового регулирования является нахождение разумного баланса интересов различных социальных групп и лиц, соискатель приводит довод, который следует поддержать, о том, что меняющийся взгляд на институт несостоятельности (банкротство) формирует новую форму юридического ответственности.

Исследуя последовательно процедуры несостоятельности (банкротства) соискатель достаточно подробно подвергает критике процедуру наблюдения (с.119,120 диссертации), которая существенно усложняет и тормозит развитие несостоятельности. В связи с чем, в науке и в практике, а также в законодательных органах России уже достаточно давно обсуждается вопрос об исключении этой процедуры из института несостоятельности (банкротства).

Кроме того, соискатель детально анализирует Проект Федерального закона №2399932-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части процедуры реструктуризации долгов в делах о банкротстве юридических лиц» (с.135,136 диссертации).

Интересным, с точки зрения науки гражданского и предпринимательского права, правовым аспектом в предложенной автором диссертационного исследования дискуссией является содержание третьей главы второго параграфа, в тексте которой автором рассмотрены особенности компетенции органов управления юридического лица в процедурах наблюдения и финансового оздоровления (с.139 диссертации). Соискателем описываются права и обязанности органов управления юридического лица в рассматриваемых процедурах, а также Еничева Н.В. достаточно подробно исследует, при наличии каких обстоятельств, органы управления юридического лица приобретают дополнительные обязанности по отношению к обязанностям, возникающим у арбитражного управляющего (с.142 диссертации).

На с.147,148 диссертации соискатель отдельно останавливается на дееспособности юридического лица при несостоятельности, которая, на ее взгляд, ограничивается на длительный период. Это обусловлено фактом

включения в систему управления юридическим лицом арбитражного управляющего. Можно отметить, что временный управляющий осуществляет функции, связанные с одной стороны, с сохранением имущества юридического лица – должника, а с другой стороны, функции, связанные с осуществлением анализа финансового состояния юридического лица.

Таким образом, на с.151, 152 диссертации соискатель делает вывод о том, что компетенция органов, управляющих юридическим лицом, в процедурах наблюдения характеризуется либо уменьшением полномочий, либо их полной утратой за счет включения в систему управления юридическим лицом временного управляющего и собрания кредиторов, которые приобретают собственную компетенцию относительно управления юридическим лицом.

Также, соискатель в третьем параграфе третьей главы не оставляет без внимания вопросы компетенции органов управления юридического лица в процедуре внешнего управления (с.159, 160 диссертации). Соискатель, анализируя нормы Закона о банкротстве, приводит промежуточный вывод относительной объема компетенций органов управления юридического лица в рассматриваемой процедуре. На с.163 диссертации соискатель отмечает, что самостоятельность действия органов управления юридического лица ограничивается планом внешнего управления. Также, справедливо отмечается соискателем на с. 166 диссертации, то одной из главных особенностей функционирования юридического лица при несостоятельности в рамках данной процедуры выступает мораторий. На с.172 диссертации приводятся выводы, к которым соискатель пришла в ходе проведения детального исследования заявленных задач.

В четвертом параграфе третьей главы автор раскрывается компетенция органов управления юридического лица в процедурах конкурсного производства и мирового соглашения (с.172,173 диссертации). Следует поддержать промежуточный вывод, сделанный соискателем на с.179,180 диссертации о том, что конкретные пределы полномочий конкурсного управляющего, связанные с управлением юридическим лицом-должником, в законодательстве остаются неопределенными. В связи с этим возникает необходимость более точного определения его компетенции. На с.189 диссертации соискатель отражает основные выводы, к которым она пришла в процессе проведенного исследования.

На с.190 диссертации, в заключении, соискатель подводит итоги своему исследованию. Выводы, сделанные Еничевой Н.В. являются доказанными, аргументированными и логичными.

Итак, в работе сделано теоретическое осмысление проблем реализации правоспособности и дееспособности (правосубъектности) юридического лица в делах о несостоятельности (банкротстве), статуса арбитражного управления, компетенции органов управления юридического лица, а также дается теоретическая оценка таким органам, как «собрание кредиторов», комитет кредиторов». Особого внимания заслуживает предлагаемая соискателем новая форма юридической ответственности института несостоятельности (банкротства).

Практическая значимость настоящей работы может быть реализована не только в законодательной, правоприменительной и судебной практике, но и для

защиты прав кредиторов, конкурсных кредиторов и иных лиц, оказавшихся в негативной финансовой несостоятельности. Безусловно, что, выводы, которые были сделаны Еничевой Н.В. в настоящем диссертационном исследовании направлены на улучшение статуса и защиту юридического лица от неправомерных действий недобросовестных субъектов, особенно в период экономической нестабильности. Кроме того, диссертационная работа может стать основой для разработки различных образовательных курсов в Университетах или на специальных факультетах, где идет подготовка специалистов в сфере несостоятельности (банкротства), например, в рамках специальных магистерских программ или курсов повышения квалификации для будущих арбитражных управляющих.

Среди несомненных достоинств работы необходимо отметить:

1. На с.5 диссертационного исследования автор, обосновывая актуальность темы исследования указывает на то, что корпоративное управление в юридическом лице-должнике характеризуется ограничением свободы деятельности органов управления, ограничением автономии их воли. Соискатель делает смелую попытку связать особенности реализации органами управления юридического лица своих корпоративных прав (как элемент правоспособности юридического лица) в процедурах несостоятельности (банкротства). Рассмотрение этого теоретического вопроса напрямую связано с судебной практикой, в которой отражаются проблемные вопросы злоупотребления корпоративными правами субъектами корпоративных правоотношений (например, при банкротстве должника закон запрещает принимать решение о его реорганизации после введения стадии наблюдения (Постановление Пятого ААС от 16.12.14 по делу № А59-1643/2013, Абз. 2 п. 3 ст. 64 Федерального закона от 26.10.02 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). В связи с чем, следует поддержать соискателя в том, что своим исследованием Еничева Н.В. делает попытку показать не только теоретические, но и практические механизмы для реализации баланса правовых интересов должника, кредиторов, а также публичных интересов.

2. С Положением на защиту №3 следует согласиться. Действительно, в Законе о банкротстве нет четкого разграничения «корпоративных» компетенций органов управления должника. Кроме того, применение к последним положений корпоративного законодательства, детально регулирующим все действия органов юридического лица приходится применять по аналогии закона. При этом, в разные периоды существовала разнообразная судебная практика. Например, суды признают как сделку - выход из общества с ограниченной ответственностью участника (как реализация его корпоративных прав) недействительной на основании п. 1 и 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и применяют последствия ее недействительности в виде возврата спорной доли в соответствующем размере уставного капитала общества в конкурсную массу должника (Постановление АС Уральского округа от 29.01.2020 по делу № А07-25477/2016, Постановление АС Уральского округа от 03.03.2020 по делу № А76-28566/2015). Хотя ранее Верховный суд Российской Федерации в одном из дел указал, что выход должника из состава участников общества не может быть признан недействительной сделкой, поскольку должник вправе претендовать на выплату

ему обществом действительной стоимости доли. Верховным судом Российской Федерации было отказано в удовлетворении требований конкурсного управляющего (определение Верховного суда Российской Федерации от 27.03.2017 по делу № А46-4042/2014).

В связи с чем, те предложения, которые делает соискатель в диссертационном исследовании относительно установленного вывода, на мой взгляд, должны найти отражение не только в теории, но и в правоприменительной практике и должны быть поддержаны, несмотря на разнообразие принимаемых судебных актов.

3. С Положением на защиту №7 следует согласиться, поскольку, действительно, в зависимости от вводимых процедур несостоятельности (банкротство) объем корпоративных полномочий органов управления юридического лица и их членов может меняться, в целом, оставаясь полным в соответствии с корпоративным законодательством.

Необходимо отметить, что правовые средства управления в системе банкротства в основном направлены на преодоление препятствий, создаваемых участниками процесса банкротства (как должником, так и кредиторами), в противовес эффективному управлению внутри системы банкротства. И в этом смысле показательным является тот факт, что правовые средства, направленные на преодоление препятствий управления системы в целом, претерпевают изменения, образуя сочетание (баланс) стимулов и ограничений. Законодатель стимулирует должника посредством включения его в систему управления (Дорохина Е.Г.).

4. С Положением на защиту №7, в целом, следует согласиться. Представляется, что позиция, представленная в данном Положении, является логическим продолжением ряда предложений, высказанных в Положении №3. Во-первых, соискатель утверждает, что «отношения по управлению юридическим лицом при несостоятельности (банкротстве) – есть корпоративные отношения». Во-вторых, одновременно, в Положении на защиту №3 соискатель устанавливает, что «отсутствие вне процедур несостоятельности корпоративных правоотношений между различными субъектами в деле о несостоятельности (банкротстве) возможно только по аналогии закона». В связи с чем, соискателем обосновывается вывод о том, что реализации правоспособности юридического лица-должника осуществляется посредством корпоративного управления.

5. С Положением на защиту №9, в целом, следует согласиться. Поскольку, действительно, все решения на собрании кредитором (или комитетом кредиторов) принимаемые в деле о несостоятельности (банкротстве) (не только при утверждении плана внешнего управления) подпадают под действие положений гл.9.1 ГК РФ. Решение собрания хозяйственного общества - это самостоятельное юридически значимое действие, которое порождает правовые последствия для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании, а если это предусмотрено законом, то и для иных лиц (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ).

При этом, если и, указывать разницу между фактом принятия решения на собрании кредиторов и собранием участников (акционеров), то при принятии корпоративного решения этот факт удостоверяет уполномоченное законом лицо (нотариус (ст.67.1 ГК РФ), регистратор, за исключением альтернативной формы

удостоверения собраний в соответствии с Уставом). Именно эти удостоверяющие действия, в ряде случаев, исключают дальнейшее признание решений недействительными. Нотариус отказывает в удостоверении факта принятия решения, ничтожность которого очевидна для нотариуса (ст. 103.10 Основ о нотариате).

В Законе о банкротстве, к сожалению, таких положений не содержится, что, на мой взгляд, является основанием для злоупотреблений со стороны недобросовестных субъектов в деле о несостоятельности (банкротстве).

6. Интересным, с точки зрения, новой формы ответственности является высказанный тезис соискателем на с.116, 117 диссертации о том, что в настоящее время трансформируется взгляд на институт несостоятельности (банкротства) как форму юридической ответственности. Соглашаясь с позицией Н.И. Клейн отмечается, что «банкротство субъекта гражданского права влечет за собой вынужденное принудительное прекращение его хозяйственной деятельности. При этом, это является реализацией возможного риска (как представляется, предпринимательского риска), но в то же время показывается и то, что реализуется наивысшая степень его юридической ответственности, так как субъект гражданского права отвечает непосредственно не имуществом, а именно своим существованием». В связи с чем, полагаю, что развитие данной формы юридической ответственности, как в науке, так и в практике позволит снизить количество заявлений, подаваемых в арбитражные суды о банкротстве.

7. С точки зрения внесения вклада в науку гражданского и предпринимательского права, следует поддержать соискателя, которая на с.179,180 диссертации, после проведенного аналитического исследования приходит к выводу о том, что конкретные пределы полномочий конкурсного управляющего, связанные с управлением юридическим лицом-должником, в законодательстве остаются неопределенными. В связи с этим возникает необходимость более точного определения его компетенции. Данный тезис справедлив и с практической точки зрения, поскольку нередки ситуации отстранения конкурсного управляющего в процедуре конкурсного производства из-за выявления факта недобросовестного поведения. Поэтому, уточнение объема компетенций конкурсного управляющего в законодательстве повысит уровень правовой грамотности арбитражных управляющих, в целом.

Однако, несмотря на достаточно глубоко проведенное исследование, тем не менее, в работе имеются некоторые замечания и вопросы дискуссионного характера, ответы на которые, хотелось бы услышать от соискателя в процессе публичной защиты:

1. На с.7 диссертационного исследования соискатель указывает, что предметом исследования являются принципы и нормы права, практика их применения и теоретические исследования, связанные с заявленной темой. Однако, предметом научного исследования всегда выступает совокупность нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения по заявленной соискателем тематике.

Аналогично и, в отношении объекта исследования (с.7 диссертации). Соискатель указывает, что объектом исследования являются правоотношения в сфере реализации правоспособности юридического лица, находящего в

банкротном состоянии (не удачно выбранная формулировка, поскольку в соответствии с Законом о банкротстве этап несостоятельности и этап банкротства юридического лица по-разному влияют на правоспособность такой организации). Однако, объектом научного исследования выступают общественные отношения, связанные с теми институтами и правовыми категориями, которые исследует соискатель. Полагаем, что категории «правоотношения» и «общественные отношения» не являются синонимичными с точки зрения науки гражданского и предпринимательского права.

2. Положение на защиту №2 (с.11 диссертационного исследования) на мой взгляд, является дискуссионным. В соответствии с п.1 ст.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяется круг отношений, регулируемых гражданским законодательством, указывается, в частности, что гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательская деятельность является самостоятельной, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Анализ легального определения предпринимательской деятельности позволяет выявить в качестве одного из признаков – самостоятельность. Кроме того, в соответствии с Постановлением Конституционного суда Российской Федерации от 23 апреля 2012 года №10-П, Конституция Российской Федерации в соответствии с целями социального государства, закрепленными в ее ст.7, гарантирует каждому как свободу труда и право свободно распоряжаться своими способностями к труду...а также самостоятельная экономическая деятельность, осуществляемая в свободно избранной сфере индивидуально или совместно с другими лицами путем создания коммерческой организации как формы коллективного предпринимательства».

Кроме того, указывая в Положении на защиту об ограничениях (восстановлениях) прав юридического лица в деле о несостоятельности (банкротстве), на мой взгляд, это утверждение противоречит п.2 ст.49 ГК РФ, в котором указано, что юридическое лицо может быть ограничено в правах в случае и в порядке, предусмотренных законом. Решение об ограничении прав может быть оспорено юридическим лицом в суде.

На с.107 диссертации соискатель утверждает, что «о динамике дееспособности может свидетельствовать тот факт, что юридическое лицо утрачивает возможность действовать самостоятельно через действия своих первоначальных органов». На мой взгляд, данный тезис противоречит ранее указанному соискателем со ссылкой на проф. С.А. Карелину (с.106), которая справедливо полагает, что «свойство правоспособности либо признается за тем или иным субъектом, либо не признается вообще. Исходя из этого тезиса, представляется, что правоспособность не может быть прекращена в полном объеме, да и об ограничении правоспособности можно говорить лишь с определенной долей условности».

Например, при введении процедуры наблюдения, одним из ограничений со стороны конкурсных кредиторов является то, что, в случае открытого

исполнительного производства по ранее вступившим в силу судебным актам, исполнение не производится, а подлежит прекращению. Однако, это положение не налагает какие-либо ограничения на деятельность юридического лица-должника.

Поэтому, признак самостоятельности правосубъектности юридического лица в делах о несостоятельности (банкротстве) исключается с момента внесения сведений в ЕГРЮЛ о ликвидации организации в процедуре банкротства (п.3 ст.49 ГК РФ).

Поэтому соискателю необходимо пояснить каким образом выражается ограничение (восстановление) прав юридического лица в делах о несостоятельности (банкротстве) как самостоятельного субъекта экономической деятельности.

3. Положение на защиту №4, на мой взгляд, является дискуссионным. Так, если статус арбитражного управляющего приобретает, как предлагается, юридическим лицом, то кредиторы должника теряют многочисленные механизмы защиты своих прав от недобросовестных действий арбитражного управляющего (ущемление прав кредиторов). Кроме того, данное предложение не обладает абсолютной новизной и, как отмечается соискателем на с. 73 диссертации было предложено д.ю.н. М.В. Телюкиной.

В основе регуляции полномочий арбитражного управляющего лежит децентрализация (метод координации), поскольку, несмотря на многообразие сочетаний юридических способов и средств, преобладание одного из них является ориентиром определения исходного метода правового регулирования: субординации или координации. Поведение арбитражного управляющего опосредуется юридическими дозволениями, которые имеют преобладающее значение, поскольку в основе реализации и субъективных прав, и полномочий лежит воля управляющего, которая соотнобразуется с целями арбитражного управления, формируемыми на основе интересов общества, должника и кредиторов (Дорохина Е.Г.)

В соответствии с п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

Арбитражный управляющий привлекается к дисциплинарной ответственности в случае, когда он нарушает внутренние стандарты и правила СРО. При этом, в каждой отдельной СРО предусматривается орган по рассмотрению таких нарушений. Им может выступать дисциплинарный комитет. Так ст. 19 Федерального закона от 01.12.2007 N 315-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О саморегулируемых организациях» (далее - Закона о СРО) в СРО создаются специализированные органы СРО, которые в обязательном порядке создаются постоянно действующим коллегиальным органом управления СРО и к таким органам относятся такие, как орган, осуществляющий контроль за соблюдением членами СРО требований стандартов и правил СРО, а также орган по рассмотрению дел о применении в отношении членов СРО мер дисциплинарного

воздействия. Такими мерами могут выступать: вынесения замечания; объявления выговора; вынесения члену Ассоциации предупреждения о наложении штрафа и др. Однако персональный состав дисциплинарных комиссий формируется в СРО самими членами-управляющими, правомерность действий которых эта комиссия в дальнейшем и будет проверять. Возможно, именно это обстоятельство способствует тому, что случаи привлечения к дисциплинарной ответственности редки, а жалобы в подавляющем большинстве признаются необоснованными. На практике, даже если предварительный анализ поступивших материалов показывает специалистам СРО наличие оснований для привлечения к дисциплинарной ответственности, бывают трудности с кворумом на заседаниях дисциплинарных комиссий, а сами члены дисциплинарных комиссий на заседания не являются, направляя для участия в них представителей, голосующих по доверенностям.

Согласно разъяснениям, данным в п. 48 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации №29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», арбитражный управляющий несет ответственность в виде возмещения убытков, как меры гражданско-правовой ответственности, при условии, что они причинены в результате его неправомерных действий.

Арбитражный управляющий, в ряде случаев, может быть привлечен и к уголовной ответственности. При этом, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не предоставляет нормы, при которой, юридическое лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

В связи с чем, соискателю необходимо ответить на вопрос, каким образом, в случае, если юридическое лицо сможет получать статус арбитражного управляющего последний будет привлекаться к дисциплинарной, уголовной и иным видам ответственности? Повлияет ли такое предложение (в случае его одобрения и, например, внесения изменений в действующее российское законодательство) на изменение всей системы видов ответственности независимо от ее регулирования той или иной отраслью права?

4. Положение на защиту №5, на мой взгляд, является дискуссионным. На мой взгляд, соискатель констатирует факт того, что проводимые процедуры в соответствии с Законом о банкротстве обуславливают специальную цель деятельности юридического лица, которые исходят из общей цели – соблюдения баланса публичных и частных интересов. Кроме того, судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их участников (учредителей) (Постановление АС Московского округа от 24.05.2021 г. №Ф05-9415/2021 по делу №А41-1528/2016). Полагаю, что соблюдение указанного баланса, о котором указывает соискатель – это компетенция арбитражного суда, рассматривающего дело о несостоятельности (банкротстве). Относительно выявления так называемой «специальной цели деятельности юридического лица», представляется, что можно говорить о п.1 абз.2 ст.49 ГК РФ – так называемой «специальной правоспособности юридического лица» - в случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо может заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии),

членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ.

В связи с чем, соискателю следует дать пояснения относительно новизны «специальной цели юридического лица», какие юридические процедуры она включает для реализации указанной цели, какие механизмы государственного регулирования оказывают влияние на реализацию «специальной цели юридического лица в деле о несостоятельности (банкротстве)?

5. Положение на защиту №6 является дискуссионным, поскольку, на мой взгляд, высказанные соискателем утверждения констатируют нормы Закона о банкротстве. Так, в силу пункта 3 статьи 64 Закона о банкротстве после введения наблюдения органы управления должника не вправе принимать решения о реорганизации (слиянии, присоединении, разделении, выделении, преобразовании) и ликвидации должника. Порядок государственной регистрации юридического лица в связи с реорганизацией предусмотрен главой 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Наоборот, например, временный управляющий имеет ограниченный круг прав в процедуре наблюдения в соответствии с Законом о банкротстве. Это становится причиной злоупотреблений со стороны руководителя должника. Позиция Верховного суда Российской Федерации по данному вопросу следующая, что он рассматривает это в качестве обеспечительной меры, направленной на защиту прав кредиторов и обеспечение реализации целей процедуры наблюдения (определение Верховного суда Российской Федерации от 28.02.2018 № 301-ЭС17-23592). Но отстранение руководителя может поставить под угрозу продолжение деятельности должника и выход из кризиса.

Кроме того, как мне представляется, Положение на защиту №6 несколько повторяет мысль соискателя, высказанную в Положении на защиту №2 в части ограничения (восстановления) прав юридического лица в деле о несостоятельности (банкротстве).

В связи с чем, соискателю следует уточнить, каким образом реализации правоспособности юридического лица-должника ограничивается в делах несостоятельности? Кроме того, соискателю следует дать разъяснения насколько позиции, изложенные в Положении на защите №№2 и 6 являются различными или схожими по составу предложенных правовых механизмов?

6. На с.30 диссертации и далее соискатель упоминает о таком состоянии должника как «объективное банкротство», одновременно указывая, что необходимо определить признаки такого банкротства. Поскольку, как показывает практика, нередко юридическим лицам приходилось заявлять экспертизу для доказательства того, что юридическое лицо поступает добросовестно, а обращение в суд с заявлением о банкротстве не является действием недобросовестного должника. Таким образом, судебная практика свидетельствует о некотором смещении в правосознании судей представлений о категории объективного банкротства и нередкой замене экономической оценки юридической, тогда как они должны осуществляться последовательно. При этом нередки случаи, когда заключение эксперта ложится в основу судебного акта в части указания на точную дату наступления объективного банкротства

(Постановление АС Уральского округа от 01.10.2019 года №Ф09-1460/2016, Постановление АС Московского округа от 27.09.2021 года №Ф05-2608/2020, Постановление АС Северо-Кавказского округа от 02.06.2021 по делу №А32-35530/2016 и др.).

Однако, далее, соискатель исследует общие признаки несостоятельности и частично касается вопросов «объективного банкротства».

Поэтому, хотелось бы услышать на защите: какие признаки неудовлетворительного финансового состояния должника могут свидетельствовать о наличии «объективного банкротства»?

7. К сожалению, на страницах диссертации соискателем недостаточно используется судебная практика. Например, в параграфе третьем первой главы соискателем большой объем работы посвящен цитированию Закона о банкротстве (с.76 диссертации и далее). При этом, в правоприменительной практике в отношении, например, применения категории «конкурсный кредитор» возникает достаточное количество судебных требований (Постановление Двадцатого ААС от 21.08.2019 по делу №А68-3356/209 (20АП-5325/2019)). На мой взгляд, диссертация выиграла, если бы соискателем больше использовалось материалов судебной арбитражной практики.

8. На страницах диссертационного исследования соискателем, в обоснование своих позиций и выводов приводятся выдержки из законодательства зарубежных стран (Германия, США, Казахстан (с.98) и др.).

Хотелось бы услышать от соискателя ответ о том, какими идеями, предпосылками, целями руководствовалась Еничева Н.В. выбирая выдержки для обоснования своей позиции из законодательства зарубежных стран разных правовых семей?

9. В соответствии со структурой диссертации особого внимания заслуживает третья глава, в которой соискатель рассматривается не только динамику процедур несостоятельности (банкротства), но и объем компетенций органов управления юридического лица.

Однако, не вполне понятно, чем руководствовалась соискатель, объединяя в одном параграфе, например, наблюдение и финансовое оздоровление, конкурсное производство и мировое соглашение? Поскольку, каждая из заявленных процедур несет в себе определенную организационно-содержательную нагрузку и имеет свои самостоятельные цели.

Однако следует отметить, что высказанные замечания и вопросы к соискателю не умаляют научного и практического значения, осуществленного Еничевой Н.В. исследования.

Автором изучен и использован в работе достаточно обширный круг библиографических источников, прямо или косвенно имеющих отношение к обсуждаемым проблемам, использован практический материал.

В диссертации достаточно высока степень обоснованности выводов и положений. Полученные автором научные выводы, положения и рекомендации достоверны и predeterminedены проработкой вопросов и проблем теоретического плана, обобщениями судебной практики и практики правоприменения норм действующего законодательства.

Автором опубликованы 7 статей, из них 7 в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

Автореферат диссертации всесторонне дает представление о проделанной работе, содержит в кратком виде всю необходимую информацию, характеризующую полученные в процессе исследования результаты, основные положения и выводы диссертации.

На основании вышеуказанного считаем, что диссертационное исследование Н.В. Еничевой «Реализация правоспособности юридического лица в процедурах несостоятельности (банкротства)» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук, являясь научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для науки гражданского права и предпринимательского права (ч. 2 ст. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 11.09.2021)); ее автор – Еничева Наталья Викторовна заслуживает присвоения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; международное частное право; семейное право.

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права и
цифровых технологий,
доцент кафедры предпринимательского и
корпоративного права
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

(к.ю.н. по специальности 12.00.03)
15 марта 2022г.

Сушкова Ольга
Викторовна

Подпись Сушковой О.В.
ЗА ДЕРЖАЮ
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ

15.03 2022

Сведения об оппоненте и организации:

Сушкова Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного

бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

Российская Федерация, 125993 город Москва, улица Садовая - Кудринская, дом № 9

Кафедра информационного права и цифровых технологий
<https://msal.ru/content/ob-universitete/struktura/kafedry-vypuskayushchie/kafedra-pravovoy-informatiki/>

Российская Федерация, 125993 город Москва, улица Садовая - Кудринская, дом № 9, ауд.27

Кафедра предпринимательского и корпоративного права
<https://msal.ru/content/ob-universitete/struktura/kafedry-vypuskayushchie/kafedra-predprinimatelskogo-i-korporativnogo-prava/>

Российская Федерация, 125993 город Москва, улица Садовая - Кудринская, дом № 9, ауд.551

Официальный сайт организации: <https://www.msal.ru/>

e-mail организации: msal@msal.ru

телефон организации: +7 499 244-88-88

телефон кафедры предпринимательского и корпоративного права: +7 (499) 244-88-88 доб.429, 2098

e-mail кафедры предпринимательского и корпоративного права: lab.kpikr@msal.ru

телефон кафедры информационного права и цифровых технологий: 8-499-244-88-88, доб. 409, 785

e-mail кафедры информационного права и цифровых технологий: Lab.kpit@msal.ru

телефон оппонента: 8 (916) 792-85-89

e-mail оппонента: ovsushkova@mail.ru, ovsushkova@msal.ru